

9. Фрагменты ранних греческих философов: от эмпирических теокосмологий до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. 576 с.

10. Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.

11. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.

Философская коммуникация как герменевтическая проблема

Шимельфениг О.В., Саратов

к. физ.-мат. н., доцент кафедры геометрии,
СГУ им. Н.Г. Чернышевского

В предлагаемой работе философская коммуникация рассматривается как такая деятельность, где каждый из собеседников должен осознать наличие проблемы межкультурной коммуникации, пытаться понять картины мира (культурные коды) как партнёра, так и свои собственные; в чём-то они могут оказаться близкими, а в чём-то даже антагонистичными, что делает взаимопонимание достаточно трудной проблемой, вынуждая всех участников к поиску компромисса. Для текстов мировоззренческого характера во многих случаях проблема может оказаться неразрешимой.

Ключевые слова: философская коммуникация, перевод, язык, картина мира, понимание, проблема.

O.V Schimelfenig, Saratov

Philosophical communication as a hermeneutic problem

In the proposed work, philosophical communication is considered as such an activity, where each of the interlocutors must realize the existence of the problem of intercultural communication, try to understand the world's pictures (cultural codes) of both the partner and their own; in some ways they can be close, and in some ways even antagonistic, which makes mutual understanding a rather difficult problem, forcing all participants to search for a compromise. For texts of an ideological nature, in many cases, the problem may be unsolvable.

Keywords: philosophical communication, translation, language, picture of the world, understanding, problem.

«Каждый человек употребляет слово для выражения своей особенной личности: оно всегда истекает от отдельного лица и каждое лицо пользуется им, прежде всего, для самого себя ... никто не думает при известном слове именно того, что другой».

Александр фон Гумбольдт

Проблема мировоззренческой коммуникации становится всё более актуальной в современном мире, когда, с одной стороны, фантастически упрощается возможность контактов разноязычных людей по всему земному шару, а, с другой стороны, делаются всё более доступными средства убийства и разрушения между непонимающими друг друга и потому конфликтующими людьми. Если философски осмыслить проблему межкультурной коммуникации, то становится ясно, что мировоззренческие дискуссии и споры, по сути, сводятся к трансляции различных индивидуальных (и коллективных) картин мира, даже когда собеседники говорят на одном и том же языке, особенно при недостаточном осознании исходных посылок каждого. Например, слово «Бог» человек верующий и атеист понимают совершенно по-разному, что может оказаться решающим в восприятии основного смысла текста и даже приводить к беспощадным религиозным войнам.

Если действительно подходить строго – *sensu stricto*, нужно понять, что вроде бы один и тот же родной язык, включая «теоретический», употребляемый коммуникантами, на самом деле имеет собственную индивидуальную интерпретацию для каждого из них. То есть ситуация гораздо хуже, коварнее, чем встреча с иностранцем, где мы отдаем себе отчёт, что говорим на разных языках. А тут обычно не возникает даже мысли о принципиальном разнопонимании, – в точности как у персонажей диалога жестами у Раблэ – Панурга и Тоумаста, которые были очень довольны процессом своей коммуникации, только в результате оказалось, что каждый из них понимал все жесты по-своему...

Невольный, но убедительный эксперимент на эту тему в массовом масштабе поставила советская власть в России, – создав коммунальные квартиры. В некоторых из них разные семьи и люди жили душа в душу и с ностальгией вспоминали потом эти времена. А в других бывали ситуации постоянных конфликтов вплоть до физического насилия, доносов и даже убийств. В чем же дело? Все были советскими людьми и говорили на русском языке, – но во втором случае глубинной причиной всех трагедий были несовместные, в основном даже неосознаваемые, представления о реальности.

Суфии сотни лет назад прекрасно понимали эту глубочайшую проблему передачи знания об Универсуме, введя триаду: *место, время, люди*, вне учёта которой мировоззренческая коммуникация бессмысленна. Писать абстрактный теоретический текст от имени «объективного» «никого» к «объективному» «никому» – совершенно нелепо, но именно такими текстами чаще всего наполнены «философские» издания. И автор находится в дурацком положении – он не видит и не слышит реакции читателя на свой текст и почти не может контролировать самый фантастический ход его мыслей, который может возникать в процессе чтения. Автор в состоянии только – на основе уже имеющегося опыта восприятия своих идей и их обсуждения – как-то среднестатистически предугадывать восприятие читателя и корректировать его различными пояснениями, примерами, историями, в том числе и из собственной жизни. И никакая одна только – «самая строгая теория» тут не поможет – *дай Бог* что-то передать с помощью

всех средств человеческой культуры, в том числе, конечно, и формально-логических.

Сократ говорит: «В этом, Федр, ужасная особенность письменности, поистине сходной с живописью: её порождения стоят, как живые, а спроси их – они величественно молчат. То же самое и с сочинениями. Думаешь, будто они говорят, как мыслящие существа, а если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда твердят одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не пристало читать его, – и не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо ругают его, оно нуждается в помощи своего отца, а само неспособно ни защищаться, ни помочь себе» [3, с. 185].

Итак, задача мировоззренческой коммуникации распадается на три относительно самостоятельных *тяжелейших* проблемы [7, с. 68-71].

Сначала надо понять самого себя (не слабо, да, – реализовать экзистенциальное задание древнегреческих мудрецов: «Познай самого себя!») и четко осознать свой язык автокоммуникации – что ты сам вкладываешь в ключевые для тебя термины и понятия.

Затем, имея в виду конкретного собеседника, попытаться сделать аналогичную работу за него, ибо, даже если он её для себя совершил, и вербализовал своё представление о мире, его языка ты всё равно не поймёшь, пока не влезешь в его шкуру, не ощутишь себя им, – как талантливый актер по системе Станиславского.

Причем, повторимся, самое ужасное, что слова обоих языков автокоммуникации – твой и его – будут в основном те же, из родного словаря, но с совершенно разными оттенками смысла и сюжетами жизни, стоящими за ними. Хотя, конечно, могут быть группы очень близких по отношению к миру людей, что и создает у них иллюзию «объективности» и «истинности» мировосприятия и своей «философии».

И наконец, следующая – третья задача – построить сценарий, который хоть как-то создаст возможности передачи моего понимания мира другому человеку с учетом знания его языка и его представления о реальности. При этом употребляемые обоими общие слова и термины чаще всего будут исказить смысл, создавая иллюзию понимания, так как автоматически интерпретируются каждым в разных смыслах. Поэтому более эффективным и менее трудоёмким будет живое непосредственное общение с взаимной обратной связью. Поэтому-то большинство мудрецов всех времен и народов предпочитали письму прямой диалог и до нас дошли записи лишь некоторых из них. Именно к подобному выводу приходит Умберто Эко [8, с. 6], изучая проблему перевода, что – это процедура, которая проходит под знаком переговоров.

Известный испанский философ Ортега-и-Гассет [4] частично подошел к этой тяжелейшей «тройной проблеме», говоря о необходимости анализа каждого слова, а затем и фразы философского текста. Но он всё же остановился на том

уровне абстракции, который не учитывает – явно – глубинных представлений о мире каждого из участников общения:

«Философию нельзя читать – нужно проделать нечто противоположное чтению, т. е. продумывать каждую фразу, а это значит дробить её на отдельные слова, брать каждое из них и, не довольствуясь созерцанием его привлекательной наружности, проникать в него умом, погружаться в него, спускаться в глубины его значения (всё верно, но это лишь полпути к взаимопониманию, так как неизбежно возникают вопросы: «значения» для кого? и с точки зрения кого? – О. Ш.), исследовать его анатомию и его границы (опять – для кого? и т.д. – О. Ш.), чтобы затем вновь выйти на поверхность, владея его сокровенной тайной (Нет никакой «тайны» для абстрактного персонажа – для «никогого» – опять же, как это в другом месте прекрасно выразил сам автор: «ложная утопия – истина без местоимения, видимая с «никакого» места» [4, с. 48], но эффект Эдиповой слепоты – неузнавания определенного сюжета, в данном случае даже своего собственного, – чаще всего неумолимо управляет поведением... – О. Ш.). Если проделать это со всеми словами фразы, то они уже не будут просто стоять друг за другом, а сплетутся в глубине самыми корнями идей, и только тогда действительно составят философскую фразу. («Фразу», высвечивающую, выхватывающую блик на поверхности образа мира данного мыслителя, текст которого исследует опять же другой философ, смотря на описание жизни «вселенной» первого со своей «планеты» – О. Ш.). От скользящего, горизонтального чтения, от умственного катания на коньках нужно перейти к чтению вертикальному (я бы углубил образ – не вообще «вертикальному», а и к чтению персональному – осознанному – в смысле постоянного уточнения взаимных исходных «посылок» – представлений о глубинных картинах мира своей и исследуемой – О. Ш.), к погружению в крохотную бездну каждого слова (за которым скрываются, по крайней мере, двеогромных бездны образов мира коммуникантов – О. Ш.), к нырянию без скафандра в поисках сокровищ» [4, с. 86].

Таким образом, то, что обычно разумеется само собой при общении двух людей на родном языке, – в мировоззренческой коммуникации на главную тему – об устройстве мира в целом – вырастает в три проблемы фантастической сложности!

А если мы обращаемся сразу ко многим людям? По крайней мере, две последних из этих трёх проблем умножаются на число дополнительных коммуникантов. Все остальные «философские проблемы» – детский сад по сравнению с этими. Чтобы их успешно решать – надо обладать, очевидно, кроме культурного багажа, навыками психоаналитика, сценариста, режиссера, актера, внимательного слушателя, зрителя и, наконец, даже дипломата.

Однако, следуя главному принципу диалектики – о развитии сюжета Жизни через борьбу и взаимопереход противоположностей – необходимо рассмотреть и неизбежную своеобразную антитезу к обсуждавшимся выше действиям коммуникантов, приводящим к взаимопониманию и согласию всех сторон процесса коммуникации, – это неустранимость до конца разнопонимания практически любого текста, даже на одном родном языке, и даже более того, – благотвор-

ность этого, вроде бы, негативного явления для развития культуры человечества. Ещё в 90-е годы прошлого столетия, когда только начала формироваться модель современной единой Европы, Ю.М. Лотман обратил внимание на необходимость разнопонимания реальности: «Сейчас делается попытка создать мировое пространство – экономическое и культурное... Ощущение рубежности, пограничности становится этическим, переходит внутрь человека, то есть, мы пытаемся создать общечеловеческую цивилизацию. Единство состоит не в том, чтобы все были одинаковыми. “Понимаемость”, к которой мы так стремимся, – это один полюс; другой необходимый полюс – “непонимаемость”, потому что непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность... Будущее – не в стирании национальных границ, а в понимании чужого, в понимании необходимости чужого: чужой, инакомыслящий, иначе устроенный для меня мучительно необходим и составляет моё мучительное счастье...» [3, с. 74].

Эта идея Лотмана перекликается с мыслью Умберто Эко: «...я замечал возможности: иначе говоря, я замечал, как при соприкосновении с другим языком текст выказывал потенциалы истолкования, которые не были известны мне самому, и как подчас перевод мог улучшить оригинал (я говорю “улучшить” именно в отношении к тому *намерению*, которое сам текст внезапно проявлял, независимо от того исходного намерения, которое было у меня как у эмпирического автора)» [8, с. 9].

Для продолжения демонстрации полезности этой идеи приведу свои комментарии к ещё нескольким высказываниям Умберто Эко из той же работы. Перевод «всегда должен стремиться к тому, чтобы воспроизвести намерение – не скажу «автора», но *намерение текста*: то, что текст говорит или на что он намекает, исходя из языка, на котором он выражен, и из культурного контекста, в котором он появился. ...переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая *в известном смысле* может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник» [8, с. 9-10].

Это близко к моему предложению – обращаться в процессе общения к «культурным кодам» коммуникантов. Но здесь следует обратить внимание на существование некой принципиальной когнитивной границы для множества людей, стремящихся адекватно воспринять некоторые, например, философско-религиозные тексты, а также научные, да, и многие другие. О вневременных и внепространственных трудностях понимания некоторых древних текстов писал в одной из своих статей по буддизму [6, с. 425] известный философ и востоковед А.М. Пятигорский: «...не следует думать, будто бы буддийский текст трудно понимать только из-за удалённости во времени и чуждости культур. Я думаю, что не было времени, когда бы такой текст понимался как современный, и не было культуры, где бы он ощущался как от неё произошедший. <В любые времена он и должен пониматься с трудом>».

Действительно, чтобы понять подобные тексты нужно то, о чём в разнообразных сюжетных контекстах говоря и Умберто Эко: «чтобы понять какой-либо текст (и тем более, чтобы перевести его), нужно выдвинуть гипотезу о *возможном мире*, который он представляет» [8, с. 34], но, очевидно, далеко не каждый человек способен, подобно сценаристу и режиссёру, генерировать нетривиальные внутренние состояния и восприятия разнообразных действующих лиц Вселенской Драмы и собирать их в некую гармоничную целостность, осознанно направляя в ту или иную сторону развитие сюжета жизни. Дело в том, что любой текст, любая информация погружается в картину мира (во многом бессознательную) конкретного воспринимающего и «перемалывается» в ней её «программами» переработки, его «культурным кодом», давая на выходе свой «фирменный» продукт. Правда, если адресат уже готов к следующему шагу духовного и интеллектуального развития, а информация максимально задевает его, сталкивая с привычных позиций, то возможно чудо трансформации: «Говоря лингвистически и культурологически, текст – это джунгли, где туземный носитель языка порою впервые придает смысл тем словам, которыми он пользуется, и этот смысл может не соответствовать тому смыслу, который те же самые слова могут принимать в ином контексте» [8, с. 34].

Если же читатель (или слушатель, зритель) не готов к иному восприятию мира как Целого, намертво привязан к своим догмам, включая неосознаваемые программы, то он не сможет понять «намерение» автора и не сумеет «действовать сообразно с содержанием» [8, с. 78]. Таким образом, и в общем случае, как правило, «при переводе *никогда не говорится то же самое*» [8, с. 78], равно как и «один и тот же» текст на родном языке не воспринимается одинаково разными лицами, и даже одним и тем же человеком в разное время, что кажется незначительным эффектом обычным людям, но открывается как фундаментальная дифференциация индивидов истинным мыслителям: «можно ли к тому, что воспринимается разными лицами, прилагать, тем не менее, термин “то же самое”» (Беркли [1, с. 343]); «Ни один человек не понимает другого вполне, ...никто под теми же самыми словами не понимает того же, что другие, и разговор или чтение книги у разных лиц вызывает разный ход мыслей» (Гёте [2, с. 199]). Но именно это неизбежное разнопонимание реальности служит двигателем разворачивающегося Сюжета Жизни.

Литература

1. Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. 556 с.
2. Гете. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. 519 с.
3. Лотман Ю. М. Разговор о пространстве // Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб.: Искусство, 2005. 624 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Искусство, 1991. 408 с.
5. Платон. Собр. Соч. в 4 т. Т.2. М.: Мысль, 1993. 528 с.

6. Пятигорский А. М. О.О. Розенберг и проблема языка описания в буддологии // Труды по знаковым системам 5. Тарту: Tartu Riiklik Ülikool, 1971. С. 423-436.

7. Шимельфениг О. В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688 с.

8. Эко У. Сказать почти тоже самое. Опыты о переводе. М.: АСТ, 2015. 100 с.

Изменение подхода к проблеме понимания у М.Хайдеггера

Столь А.Б., Уфа

к. филос. н., доцент кафедры философии и истории,
Уфимский государственный авиационный технический университет

В философии М. Хайдеггера вопрос о том, что есть понимание перемещается из сферы герменевтики в сферу онтологии. Хайдеггер видит основу понимания в изначальной укорененности человека в мире, которая предшествует обычной гносеологической субъект-объектной установке сознания. Хайдеггер считает, что понимание – это фундаментальная форма отношения человека с миром, которая возможна только благодаря языку, а сам этот язык рассматривается в свою очередь как важнейшее онтологическое понятие.

Ключевые слова: герменевтика, понимание, сознание, бытие, язык, познание, М. Хайдеггер.

A.B. Stol, Ufa

Changing the approach to the problem of understanding by M. Heidegger

In M. Heidegger's philosophy, understanding moves from the hermeneuticsscope to the ontologyscope. Heidegger sees the understanding basis in the primordial rootedness of man in the world, which precedes the usual epistemological subject-object installation of consciousness. Heidegger believes that understanding is a fundamental form of a person's relationship with the world, which is possible only thanks to language, and this language is considered in turn as the most important ontological concept.

Keywords: hermeneutics, understanding, consciousness, being, language, cognition, M. Heidegger.

Мартин Хайдеггер является, безусловно, одним из самых глубоких мыслителей XX века, оказавшим большое влияние на все развитие философской мысли в целом и развитие философской герменевтики в частности. В своей философии Хайдеггер пересматривает все фундаментальные понятия герменевтики такие